

О. Б. БУБЕНОК

**НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(к вопросу об адыго-славянских связях)**

Близость Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья всегда давала повод исследователям говорить о возможных контактах между населением отмеченных субрегионов как во времена античности, так и в средневековье. В специальной литературе уже неоднократно указывалось на давние связи населения украинского Поднепровья и Прикубанья. Так, В. П. Кобычев отметил: «Спектральный анализ металлических изделий трипольской культуры, распространенный в III–II тыс. до н. э. на территории Правобережья Днестра от Карпатских гор и до нижнего течения Дуная, показывает, что подавляющая их часть сделана из мышьяковистой меди кубанской группы. Таврские каменные ящики-могилы, находимые в Крыму, археологи рассматривают всегда не иначе как в связи с аналогичными погребениями Северного Кавказа. В более позднее время на основании целого комплекса различных бронзовых предметов: топоров-кельтов, кинжалов, частей конского убора (псалий) и т. д. – археологи объединяют в один обширный ареал территорию Восточного Прикарпатья, Крыма и Северо-Западного Кавказа, суммарно называемый «киммерийским» [Кобычев, 1973, с. 93]. В этой связи не менее показательны гидронимия и топонимия Среднего Поднепровья.

Так, среди современных гидронимов украинского Днепроовского Левобережья особо следует выделить название реки *Псел*. Эта водная артерия представляет собой левый приток Днестра и берет свое начало в Белгородской области России, а далее протекает через территорию Курской, Сумской и Полтавской областей до своего впадения в Днепр ниже г. Кременчуг. Весьма характерно, что в этом районе Приднепровья получили также распространение реки с аналогичными названиями. Так, притоками Псла являются реки *Пселец*, *Псельчик* и *Псинка*, которые протекают через земли Сумской области. Кроме того, в этом же районе находится река *Псоля*, которая является правым притоком Днестра. Однако на этом перечень аналогичных названий с основой на *Пс* на землях Украины является далеко неисчерпанным, хотя обращает на себя внимание то, что в районе Левобережного Поднепровья существует целое скопление гидронимов данного типа [Словник гідронімів..., 1979, с. 451–452]. Около ста лет тому назад О. М. Бодянский

предложил сближение названия реки *Псел* с кавказскими гидронимами типа *Пса, Псе, Псекупс, Психуаба* и т. п. По его наблюдениям, в основе этих гидронимов находится корень *Псы*, который в языках адыгских народов обозначает “вода, река” [В-ко, 1908, с. 3; Мацевич, 1896]. Исследователи уже давно отметили, что гидроним *Псел* имеет много общего с гидронимами в местах проживания адыго-абхазских народов на Северном и Западном Кавказе. Таких названий рек на Кавказе можно привести большое количество: *Пседах, Псекупс, Псоу, Псужь, Псыбэ, Псыбъундж, Псыгуэнсу, Псыджор, Псыгъуабжэ, Псыжъ, ПсыкIыгъожъ, ПсыIэху, ПсыкъепкIэ, Псымыгъу, Псымышъу, Псынацхъэ, Псынэф, Псыпáп, ПсыпцIэ, Псыфыжъ, Псыхуабэ, Псыхушхъэ* [Коков, 1966, с. 120–123, 144–147; Коков, 1974, с. 102–103, 242–251]. Лингвисты единодушны во мнении, что в основе этих гидронимов лежит адыгское слово *псы*. А. К. Шагиров в “Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков” предлагает следующую этимологию этого слова: “**псы** ‘вода’, ‘река’, ‘речка’ – в значении “река” (“речка”) в адыгейском слово встречается в композитах и в определенных сочетаниях; обычное (самостоятельное) название реки здесь *псыхъэ*». Исследователь также видит соответствия этому адыгскому термину в абхазском *а-дзы* (в абазинском *дзы*) и убыхском *бзы* – “вода, река” [Шагиров 1977, с. 16]. Таким образом, имеются основания считать, что гидроним *Псел* своим происхождением связан именно с адыгским *псы* – “вода, река”.

Кроме того, В. П. Кобычев следы адыгского присутствия на землях Северного Причерноморья склонен связывать не только с названием *Псел*. В частности, по этому поводу он отметил: “К ним можно добавить *Томако* – остров на Днепре, реки *Редединку* (*Редедя* – легендарный касожский богатырь, упоминаемый русской летописью) – на Вольни, *Уनावу* – приток Ирпени (от адыгского *уна* – “дом”, ср. по соседству река *Домашня*)...” [Кобычев, 1973, с. 93]. К. Н. Тищенко также отнес к кавказским названия рек: “*Псло* (*Псел, Псіолъ, Пьслъ, Песелъ*), а также *Пселець, Псоля*”, которые “этимологически восходят к адыгейскому *псы* “вода». Кроме того, с кавказским влиянием К. Н. Тищенко связал также происхождение гидронимов *Ворскла* и *Суба, Субот, Собот, Саба*. Аналогии первому названию исследователь видит не только в грузинском *verçxli*, мегрельском *varçxli, k'varçxli*, сванском *varçli* – “серебро”, или грузинском *varçli* – “корыто”, а также в дагестанских языках: “лезг. *уър*, рут. *уър*, лак. *баър*, арч. *баъри*, лезг. *вир*, но-*вур*, чам. *и-гъир*, анд. *ъи-гъур*, таб. *да-гар*”, а также аварские слова *гIор* – “река” и *хIор* – “озеро”. Что же касается второй группы гидронимов, то К. Н. Тищенко указал на их возможную связь с лезгинским *суб(а)* – “гора”, цахурским *сува*, табасаранским *сив* – “яр”, чеченским *шу* – “горб, возвышенность”. По этому поводу исследователь отметил: “Естественно, что река *Субот Кв* протекает-таки в глубоком яре (с. Малополовецкое Фастовского р-на)” [Тищенко, 2006, с. 89–90].

На сегодня среди ряда лингвистов нет сомнений в том, что часть гидронимов Среднего Поднепровья имеют кавказское происхождение. Однако нет единого мнения относительно времени их возникновения. Так, К. Н. Тищенко считает, что в далеком прошлом земли Северного Причерноморья представляли собой часть циркумпонтийской зоны, которая “по крайней мере с III тыс. до н. э. входила в сферу влияния кавказских и средиземноморских культур”. Следствием этого, по мнению исследователя, является существование на современной карте Украины некоторых гидронимов кавказского происхождения [Тищенко, 2006, с. 89–90].

Кроме того, особой оригинальностью к решению данного вопроса отличается подход В. П. Кобычева, который считал, что название восточных славян VI в. – *анты* имеет кавказское происхождение. Основанием этого, по его мнению, является то, что “в сохранившихся фрагментах убыхского языка (одного из черкесских племен) *анта* обозначает” чудовище, лесной человек» [Кобычев, 1973, с. 93]. На основании этих совпадений исследователь сделал предположение: “Безусловно, анты VI в. н. э. в этническом отношении были стопроцентными славянами, но какая-то примесь каказского субстрата могла быть у них”. Таким образом, В. П. Кобычев дал понять, что приблизительно в это время, т. е. во времена античности и раннего средневековья на землях Северного Причерноморья могли появиться гидронимы кавказского (адыгского) происхождения [Кобычев, 1973, с. 96].

Необходимо отметить, что данным гипотезам не противоречат и данные древнерусских летописей, где упоминается название реки *Псел*. Так, первое упоминание о названии реки содержится уже в том фрагменте текста Ипатьевской летописи, где речь идет о походе киевского князя Владимира Мономаха против половцев в 1111 г. На пути к реке “Дон”, в которой современные исследователи склонны видеть Северский Донец, войско Владимира вынуждено было форсировать несколько рек. Об этом в Ипатьевской летописи сказано: “...и вѣста Володимеръ и Стополкъ и цѣловастался . и поидоста на Половцѣ . Стополкъ съ сномъ . Ярославъ и Володимеръ съ сынми . и Двдъ со сыном . и поидоша возложивше надежу на Ба . и на пречистую мать его . и на стыгя англы его и поидоша . въ . в . недѣлю поста . а в пятокъ быша на Сулѣ . в субботу поидоша и быша на Хоролѣ . и ту и сани пометаша . а в недѣлю поидоша в нюже хрестъ цѣлюють и приидоша на **Псль** . и ѿтуди сташа на рѣцѣ Голтѣ . ту пождаша и вои . и ѿтудо идоша Въръскла...” [Ипатьевская, 1908, с. 184].

Необходимо отметить, что имеются основания говорить о контактах между населением Среднего Поднепровья и Северо-Западного Кавказа также в эпоху средневековья. Данные некоторых письменных источников дают определенные основания для этого. Это касается древнерусских летописей, в которых адыгов при описании событий X – начала XIII вв. называли «касо-

гами». Так, в большинстве списков “Повести временных лет” сказано: “В лето 6473 (965). Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша проитиву с князем своим Коганом, и соступишоса обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победи и Касоги” [Воскресенская..., 1856, с. 287; Ипатьевская..., 1843, с. 246; Приселков, 1950, с. 84]. Анализ упомянутых отрывков позволяет предполагать, что в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела–Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь после этого мог пойти на союзников хазар – аланов-ясов и касогов. Кроме того, в Первой Новгородской летописи содержится указание на то, что киевский князь “ясы победи и касоги и приведе Киеву” [Новгородская Первая, 1950, с. 117]. Это сообщение можно трактовать двояко: либо Святослав привел в политическую зависимость от Киева часть касогов и ясов, либо он переселил их в Киев.

Кроме того, древнерусские летописи неоднократно упоминали о Тмутараканском княжестве, которое находилось на Северо-Западном Кавказе, по соседству с касогами-адыгами. Тмутаракань в древнерусских летописях упоминается при описании событий 988 (6496), 1023 (6531), 1064 (6572), 1065 (6573), 1066 (6574), 1077 (6585), 1078 (6586), 1079 (6587), 1083 (6591) и 1094 (6602) гг. После 1094 г. исчезают сведения о Тмутаракани. По данным летописей, касоги имели очень тесные контакты со славяно-русским населением города. Уже сам этот факт может указывать на активную посредническую роль адыгов в связях между Русью и Кавказом. Это могло также способствовать переселению части касогов на Русь, что находит подтверждение в хрониках.

Так, древнерусские летописи сообщают о переселении на земли Черниговского княжества, которое занимало в начале XI в. все Левобережье Руси, касогов, которых привел с собой из Тмутаракани князь Мстислав и использовал их вместе с тмутараканскими хазарами для борьбы против своего брата – киевского князя Ярослава: “В лето 6531 (1023) собрася Мстислав со Козари и Касоги на Ярослава, брата своего...” [Ипатьевская летопись, 1843, с. 265]. В конце-концов, войско Ярослава, основу которого составляли варяги-норманы, и войско Мстислава, которое состояло из северян и кавказских дружинников – касогов и хазар, должны были сойтись в битве возле Лиственя. Об этом летописец сообщает: “Мъстислав же с вечера исполчи дружину и постави Сѣверъ въ чел противу Варягов . а самъ ста с дружиною своею по крилома . и бівіши нощи...” [Ипатьевская летопись, 1908, с. 95]. На следующий день успех сопутствовал Мстиславу. При этом, по данным летописей, дружинники Мстислава так и не пострадали: «Мъстиславъ же о свѣте . заоутра и видѣ лежачи исѣчены . о своихъ Сѣвѣр . и Варягы Ярославлѣ . и ре кто сему не рад . се лежитъ Сѣверянинъ . а се Варягъ . а своя дружина цѣла...” [Ипатьевская летопись, 1908, 95]. Следовательно, касоги и тмутараканские хазары, которые

составляли дружину Мстислава, не пострадали. Нет известий о том, что после этой войны касоги обратно вернулись на Кавказ. Поэтому интересна их дальнейшая судьба.

Этот вопрос несколько десятилетий тому назад не давал покоя В. В. Мавродину, который относительно этого высказался следующим образом: “После соглашения в Городце, по летописи, “уста усобица и мятежь бысть тишина велика в земли”. Воспользовавшись восстанием эксплуатируемых слоев населения “Ляшской земли”, избивших в 1030 г. “епископы, и попы, и бояры своя”, на следующий год Ярослав и Мстислав идут войной на ляхов, возвращают Руси захваченные одно время ляхами червенские города и берут большой полон. Ярослав поселил своих пленных по Руси, куда посадил своих Мстислав – неизвестно. Можно предположить, что они были поселены по примеру Ярослава, заселявшего пленными южные окраины своих владений, где-либо в укрепленных пунктах юго-восточной окраины Северской земли. Касого-язо-хазарская дружина Мстислава осталась в Черниговщине... [Мавродин, 1940, с. 137]. Необходимо отметить, что в то время земли Черниговского княжества занимали всю территорию Левобережной Руси, южная граница которой могла находиться где-то в районе междуречья Сулы и Псла.

Исследователи уже давно обратили внимание, что еще в конце XVIII в. левый приток р. Лютенькой, которая, в свою очередь, является левым притоком Псла в среднем его течении, носил название **Косоговка** [Стрижак, 1963, с. 27; Описание рек..., 1868, с. 26]. Необходимо отметить, что существование гидронима **Косоговка** на левобережье Псла, в среднем его течении, отнюдь не случайно, ибо там были известны и аналогичные топонимы.

Необходимо обратить внимание на то, что на левобережье Псла, в среднем его течении, в недалеком прошлом имели распространение топонимы с основой **косог (косаг)**. Так, по данным переписи 1859 г., на территории Полтавской губернии в Зиньковском уезде существовали два поселения, которые имели название **Косоговщина** [Полтавская губерния..., 1862, с. 53]. Кроме того, “Военно-топографическая карта Российской империи” (1869–1890) свидетельствует, что во второй половине XIX в. в этом же районе на правом берегу речки Мужева Долина был хутор **Косоговщина (Паськова)** [Военно-топографическая..., 1869–1890, лист 23, 23–12].

Существует мнение, что к возникновению этих названий на Полтавщине был причастен московский боярин Г. И. Косогов, который в конце XVII в. руководил постройкой вала, получившего название «Косогов вал». Этот вал проходил по южной территории современных Полтавской и Харьковской областей [Гильденштедт, 1891, прим. 24]. Однако Г. И. Косогов долгое время находился не только на Полтавщине, но и на Харьковщине. Однако на территории Харьковской области названия с основой **Косогов** так и не были обнаружены. При этом в среднем течении Псла имелись топонимы **Косогов-**

щина и гидроним *Косоговка*. Относительно последнего названия хочется подчеркнуть, что названия рек не имеют тенденцию возникать от антропонима. Стало быть, более предпочтительно связывать возникновение данных названий с народом *касоги*, чем с фамилией *Косогов*. К тому же само адыгское название реки *Псел* может говорить в пользу предложенной версии.

Однако весьма проблематично утверждать, что именно касоги, поселенные Мстиславом на берегах реки Псел, дали ей это название. Хотя данное переселение могло иметь место с 1026 г. по 1036 г., т. е. в период княжения Мстислава в Черниговском княжестве после войны с Ярославом. К тому же первое упоминание о реке Псел относится к 1111 г. [Ипатьевская, 1908, с. 184]. Однако данная гипотеза имеет одно уязвимое место. Это касается численности пришедших на левобережную Русь касогов, к тому же не одних, а с тмутараканскими хазарами: “В лето 6531 (1023) собрася Мстислав со Козари и Касоги на Ярослава, брата своего...” [Ипатьевская летопись, 1843, с. 265]. Однако упоминание в войсках Мстислава отдельно северян и дружины, к тому же уцелевшей после войны с Ярославом, [Ипатьевская летопись 1908, с. 95], позволяет считать, что эта дружина состояла из касогов и хазар. В специальной литературе неоднократно поднимался вопрос о численности княжеской дружины в Древней Руси. Однако при этом сложилось мнение, что дружина представляла собой наемное войско, и состояла она всего лишь из нескольких сотен воинов-наемников. Стало быть, такой незначительный контингент из касогов вряд ли мог бы способствовать появлению и распространению адыгского названия реки *Псел* в среде славян. Получается, что название реки *Псел* могло существовать и до поселения на ее берегах в XI в. касогов. Однако пребывание на ее берегах именно касогов должно было способствовать тому, что кавказское название реки сохранилось до наших дней. Таким образом, получается, что в прошлом в бассейн р. Псел с Кавказа были совершены, по крайней мере, две миграции носителей адыгских языков. Вторая имела место в начале XI в., что нашло отражение в сохранившихся до XVIII–XIX вв. названиях – гидроним *Косоговка* и топонимы *Косогощина*. Первая же должна была иметь место в более раннее время и была более значительной, что и способствовало появлению названия реки *Псел*.

Говоря о возможных миграциях адыгов в Поднепровье, конечно же, нельзя оставить без внимания легенды, связанные с основанием города Черкассы на Днепровском Правобережье. Согласно этим преданиям, адыгов-черкасов сюда могли переселить с Северного Кавказа либо правители Золотой Орды в конце XIII в., либо литовские князья в XIV в.. Необходимо отметить, что первая версия гипотезы является больше историографическим курьезом XVIII в. и не подкреплялась никакими ссылками на исторические источники. Но она была настолько популярна среди историков XVIII–XIX вв., что даже послужила основанием для написания несколько десятилетий

назад В. Ф. Горленко большой статьи историографического характера «Об этнониме Черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв.» [Горленко, 1982, с. 96–107]. Интерес к данной проблеме был обусловлен тем, что, по образному замечанию В. Ф. Горленко, «широкое употребление в XVI–XVII вв. названия *черкасы* по отношению к украинцам Поднепровья – исторический факт» [Горленко, 1982, с. 104].

Что же касается второй версии гипотезы, то она отражена в некоторых исторических документах. Речь идет об одной из люстраций (переписи, ревизии) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г., где сказано: «*Початокъ Черкасовъ и Канева. Отъ початку Черкасовъ и Канева уходы по всимъ тымъ рекамъ вольны были Каневъцомъ, бо яко князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавъши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ, а иныхъ на Днепре, где теперъ Черкасы сидятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днепре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходить не престаи*» [Архивъ Юго-Западной Росіи, 1886, с. 103]. Если учесть, что Гедимин – великий князь литовский единолично правил с 1316 по 1341 гг., то получается, что город Черкасы был основан в первой половине XIV в. и своим названием был обязан народу кавказского происхождения. В современной науке существует мнение, что в 1321 г. Гедимин начал войну против галицко-волынских князей, одержал ряд побед и в 1322 г. после успешной битвы на реке Ирпень занял Киев с «пригородами». Следовательно, в этот период, согласно записанной легенде, он и мог основать город Черкасы. Однако у нас нет никаких известий о походе Гедимины на Кавказ, откуда он мог привести адыгов-черкасов. К тому же, в данном случае смущает значительный хронологический разрыв между описанным событием и первым упоминанием о нем в документе – более 200 лет, что позволяет считать его также легендой, хотя и не лишенной определенной доли историчности. При этом смущает и то, что в данном документе к началу XIV в. относят также основание города Канева, хотя хорошо известно, что этот город был основан в домонгольское время.

Существует также мнение, что город Черкасы был основан до правления Гедимины. Обычно при этом ссылаются на следующее сообщение Густинской летописи, датированное 1305 г.(?): «*Паки Гедиминъ, князь Литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ княземъ Кіевскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самого князя Станислава Кіевского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского и прочіяхъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взять и потом Каневъ, Черкасы, Путывль, Брянско и Волынь...*» [Густинская летопись, 1843, с. 348]. Однако в данном случае смущает дата описанного события – 1305 г., ибо в этом году Гедимин еще не был литовским князем. Кроме того, Густинская летопись была

написана лишь в начале XVII вв., и следовательно хронологический разрыв между описанным событием и упоминанием о нем в документе – более 300 лет, что ставит под сомнение предложенную дату основания города.

Именно такие противоречивые известия немногих письменных документов заставили многих славянских исследователей засомневаться в достоверности легенд об основании города Черкассы переселившимися сюда с Кавказа адыгами. Однако данная гипотеза, по понятным причинам, нашла немало приверженцев на Северном Кавказе, особенно среди исследователей адыгского происхождения. Так, кабардинский историк Н. Л. Шафиев даже не сомневается в том, что город Черкассы на Днестре был основан переселившимися сюда с Кавказа адыгами-черкесами. В частности он отметил: «Исследуя топонимическое название «Черкассы», языковед Дж. Н. Коков доказывает, что оно происходит от слова «черкес». Черкесы в качестве охранителей жили на берегу Днестра столь отдаленно от постоянного местопребывания адыгов (главным образом, Западный Кавказ и Центральное Предкавказье) еще во второй половине XIII века. По летописи, в период монгольского владычества на Руси, в 1282 году, Баскак, губернатор Курского княжества призвал черкесов из Бештау, или Пятигорья, населил ими слободы под именем Козаков... Наконец, они достигли берегов Днестра, где от местного ханского правителя получили землю для заселения ниже Канева. «Тут они построили себе городок, или приличнее, острожек, и назвали Черкасск, по причине чего большая часть их породу были черкасы»... Итак, топоним «Черкассы» произведен от этнонима «черкес»... [Шафиев, 1968, с. 32–33].

Однако нельзя полностью согласиться с данным объяснением по двум причинам. Во-первых, ни одна из известных нам летописей не содержит таких сведений. В данном случае Н. Л. Шафиев просто пересказал легенду, содержащуюся в сочинениях историков XVIII–XIX вв. Во-вторых, этническое название *черкас* возникло раньше, чем *черкес*, где последнее является производным от первого, а не наоборот. Наиболее ранние полные упоминания этого этнонима дают именно форму *черкасы*. Так, в сочинении Платона Карпини, написанном в 40-е гг. XIII в., среди жителей Кавказа упомянут народ *Чиркасы* [Карпини, 1957, с. 57, 72]. Даже в XV в. итальянские авторы продолжали использовать форму *Черкас* [Барбаро, 1971, с. 108; Волкова, 1973, с. 24]. Однако уже с XVI–XVII вв. западные европейцы начали использовать термин *черкес* [Волкова, 1973, с. 24]. Необходимо отметить, что в русских летописях форма этнонима *черкас* начала использоваться с начала XIV в. для обозначения народа Кавказа, и в это же время из русского летописания исчез этноним *касого* [Патриаршая Десятая, 1885, с. 184; Воскресенская, 1856, с. 34; Никаноровская, 1962, с. 71; Сокращенный летописный свод 1493, с. 252; Сокращенный летописный свод 1495, с. 331]. Однако анализ текстов поздних русских летописей позволяет считать, что с середины XV в.

“черкасами” стали называть не только жителей Северного Кавказа, но и часть жителей Центральной Украины ...” [Холмогорская, 1977, с. 136]. В XVI–XVII вв. в московских документах «черкасами» называли как жителей Северного Кавказа, так и жителей Центральной и Восточной Украины. Что же касается осmano-турецких текстов, то особенность приспособленной к турецкому языку арабо-персидкой графики дала вариант **чркес**, который турки-османы должны были произносить не иначе как **черкес** [Радлов, 1905, с. 1969]. Следовательно, в позднее средневековье данный вариант этнонима мог попасть от турок к европейцам, где и получил распространение в форме **черкес**. Таким образом, исходя из данных этнонимии, можно лишь полагать, что топоним Черкассы на правом берегу Днепра мог возникнуть в очень значительный промежуток времени: с середины XIII в. – по середину XV в. Это значительно осложняет решение проблемы.

Во времена позднего средневековья возможны были и другие миграции адыгского населения на земли Украины. По этому поводу Л. И. Лавров заметил: «украинско-кавказские связи поддерживались и после XIV в. Вспомним хотя бы совместные военные операции XVI в. адыгов и казаков Байды-Вишневецкого против крымских татар и участие адыгских отрядов в героической борьбе украинского народа в период освободительной войны 1648–1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого» [Лавров, 1961, с. 65]. К этому следует добавить, что в феврале 1560 г. князь Д. Вишневецкий был назначен Иваном IV воеводой у черкесов, куда московский царь отправил православных миссионеров. Д. Вишневецкий успешно справился с этой миссией – черкесы приняли православие, а на дочери одного из князей Черкасских – Марии (до крещения – Кученей) Темрюковне был женат вторым браком сам царь [Запорожская сечь]. Известно также, что после 1560 г. Д. Вишневецкий, недовольный отношением к нему Ивана IV, возвращается на Запорожье с отданными ему украинскими и донскими казаками, а также черкесами из племени Жане [Дмитрий Байда-Вишневецкий].

В нашем случае остается констатировать, что гипотезы о переселении адыгов на земли украинского Поднепровья не только в древности, но и в средние века находят лишь косвенное подтверждение в некоторых письменных источниках и топонимии. Несмотря на это, можно согласиться со следующим мнением В. Ф. Горленко: «Вряд ли можно сомневаться в том, что жившие в далеком прошлом на территории Украины и России племена, в том числе восточнославянские, будучи близкими соседями предков черкесов, находились с ними в разнообразных и тесных связях» [Горленко, 1982, с. 96]. К сожалению, письменные источники прямо не говорят о переселении адыгов (касогов и черкасов) на земли Среднего Поднепровья в период раннего и позднего средневековья. Не проводились в этом направлении и специальные археологические исследования. Хотя еще около ста лет назад

академик Ф.И. Шмит отметил, что церковное искусство Древней Руси имело свои истоки не в Константинополе, а на Северо-Западном Кавказе [Шмит, 1919, с. 47]. Кроме того, Л. И. Лавров подчеркнул, что существуют «общие черты в архитектуре старейших храмов Киева и Чернигова, с одной стороны, и синхронных им храмов Абхазии (особенно Моквинского) – с другой» [Лавров, 1961, с. 64]. Однако результаты археологических раскопок средневековых памятников для решения данной проблемы так и не привлекались. Поэтому немаловажным свидетельством адыго-славянских связей в прошлом могут являться сведения этнографического характера. Необходимо исходить из того, что формирование традиционной культуры современных народов в основном проходило во времена средневековья и в более поздний период.

Особо показательными в этом отношении могут являться артефакты материальной культуры, связанные с бытовыми особенностями народов в недалеком прошлом. Исследователи уже давно обратили внимание, что материальная культура населения украинского Поднепровья и черкесов Северного Кавказа имеет немало общих черт, но объясняли этот факт по-разному.

Так, еще в первой половине XIX в. на сходство одежды, жилья и антропологического типа украинцев Поднепровья и черкесов указал А. Ригельман [Ригельман, 1847, с. 8–10]. В середине XIX в. А. Шафонский указал на сходство древней монументальной архитектуры южных украинцев и черкесов. Он также отметил у обоих народов одинаковые элементы одежды – шапки, черкески и т. п. [Черниговского наместничества..., 1851, с. 53]. В начале XX в. Ф. Волков отметил общие черты в строительной технике украинцев и адыгов [Волков, 1916, с. 536]. Эти исследователи видели в этих параллелях результаты миграции кавказских народов на территорию Украины в прошлом.

В советское время данная проблема продолжала интересовать этнографов. Так, в своей специальной статье, посвященной адыго-украинским связям, Л. И. Лавров более детально остановился на многих аспектах данной проблемы. Он, в частности, подчеркнул: «Отдельные черты быта населения Киевской Руси имели место в быте кавказских народов. Например, адыги, подобно Святославу и запорожцам, носили на голове оселедцы, о чем свидетельствовали Юлиан в XIII в., Интериано в XV в. и русский путешественник в 1890 г.» [Лавров, 1961, с. 64]. Исследователь также отметил общие черты в строительной технике украинцев и адыгов Северо-Западного Кавказа [Лавров, 1961, с. 64]. Он также обратил внимание на одежду: «Известно, что ряд элементов старинной одежды украинского казачества (жупан, кунтуш, шапка «кабардинка» и т.п.), а также крестьянского (например, постолы) имеет аналогии в старинной одежде кавказских горцев, грузин и армян» [Лавров, 1961, с. 65]. Л. И. Лавров также подчеркнул, что тяжелый украинский плуг имеет аналогии с адыгейским [Лавров, 1961, с. 64–65]. Исследователь объяснял данные совпадения различными факторами, не исключая при этом

и возможности миграции отдельных групп кавказского населения на территорию Украины в прошлом.

Другой известный советский этнограф-кавказовед В.П. Кобычев также считал, что народы Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья имели общие элементы в материальной культуре. По этому поводу он отметил: «Северо-Западный Кавказ и Северное Причерноморье объединяют и форма жилища – легкий плетенный обмазанный глиной дом с круговым навесом на столбах и высокой плетеной трубой над открытым очагом; и однотипная мебель – низкие круглые треногие столики и скамейки...» [Кобычев, 1973, с. 94]. Как уже отмечалось, В. П. Кобычев был склонен связывать параллели с Кавказом с примесью «кавказского субстрата» среди славян-антов, что, по его мнению, должно было иметь место в VI в. н. э. [Кобычев, 1973, с. 96].

Данная проблема стала впоследствии объектом научных интересов В. Ф. Горленко, который в специальной статье, посвященной миграциям адыгов в украинское Поднепровье, также обратил внимание на общие элементы в материальной культуре украинцев и черкесов: «бытование в прошлом у тех и других близкого по конструкции тяжелого деревянного плуга, сходных типов турлучного жилища с навесом на столбах, традиции отапливать жилище кизяком; наличие у запорожцев “черкесского” седла...» [Горленко, 1982, с. 105–106]. Эти наблюдения, а также параллели в материальной культуре, сделанные его предшественниками, дали основания В. Ф. Горленко связать это с переселением адыгов в украинское Поднепровье, в результате чего и возник город Черкассы [Горленко, 1982, с. 106–107].

Естественно, что данная проблема интересовала не только ученых славянского происхождения, но и этнографов Северного Кавказа. Однако в этом случае сложилась весьма неожиданная ситуация. Так, славянские исследователи объясняли отмеченные параллели следствием влияния адыгов на быт украинцев, что стало результатом, по их мнению, переселения адыгов на украинские земли в эпоху средневековья. Однако кавказские исследователи Г. А. Кокиев и Л. А. Чибиров, наоборот, видели в этом результат позднего влияния украинцев на быт народов Северного Кавказа [Кокиев, 1946, с. 80; Чибиров, 1970, с. 108].

Однако действительно ли выявленные этнографами параллели в материальной культуре могут свидетельствовать о миграциях в прошлом предков черкесов на украинские земли? В реальности ситуация выглядит весьма запутанной. Имеющиеся параллели в материальной культуре украинцев и адыгов Северного Кавказа можно объяснить тремя факторами: 1) в эпоху средневековья на земли Поднепровья периодически переселялись отдельные группы адыгов; 2) во времена развитого и позднего средневековья предки украинцев и черкесов начали осваивать степные пространства Северного Причерноморья и Северного Кавказа, где они встретили местное оседлое

население со своими специфическими чертами материальной культуры, например, аланов, которые периодически переселялись из Предкавказья в Северное Причерноморье; 3) начиная с конца XVIII в., украинское население начало интенсивно заселять земли Северо-Западного Кавказа, где их соседями стали адыги. Кажется, имеет резон разобраться более детально в происхождении ряда отмеченных совпадений.

В первую очередь, это касается жилища. Как уже отмечалось, исследователи обратили внимание на общий тип жилища украинцев и адыгов, который получил в специальной литературе название “каркасно-турлучного”. Для жилищ Южной и Средней Украины, а также степей Предкавказья было характерно то, что они сооружались при помощи столбов и ивовых прутьев и обмазывались глиной. Они были, как правило, наземными. Крыша этих построек обычно изготавливалась из соломы или камыша. Для украинской хаты и жилищ Прикавказской низменности было характерно то, что это были преимущественно наземные постройки. На Украине и Северном Кавказе каркасно-турлучные жилые постройки, как правило, были однокамерные или двухкамерные [Бломквист, 1956, с. 86–87; Косміна, 1980; Данилюк, 1991; Зеленин, 1991, с. 291–292; Кобычев, 1982, с. 86–87; Народы Кавказа, 1960, с. 161–162; 206, 317–319].

Кроме того, во внутреннем устройстве таких жилищ также имелось немало общего. Так, в украинском и северокавказском жилищах имелся дымоход, сплетенный из ивовых прутьев и обмазанный глиной. На Северном Кавказе такой дымоход обычно сооружался над открытым очагом и прямо выводился за пределы крыши [Народы Кавказа, 1960, с. 161, 206, 317; Кобычев, 1973, с. 90–96]. На Украине же данное устройство для отвода дыма обычно устанавливалось в сенях, рядом со стеной, называемой «кагла» [Бломквист, 1956, с. 263; Косміна, 1980, с. 62, 174–175]. Однако на Украине бытовало и аналогичное северокавказскому сооружение, которое представляло собой небольшой очаг, над которым устанавливалось сплетенное из ивовых прутьев устройство для отвода дыма [Зеленин, 1991, с. 309–310]. Безусловно, и на Украине, и на Северном Кавказе устройство для отвода дыма являлось неотъемлемой частью в конструкции каркасно-турлучного типа жилища, происхождение которого в обоих регионах могло иметь общие истоки и традиции.

Необходимо отметить, что каркасно-турлучный тип жилища получил широкое распространение на просторах Евразии. Известен он, например, в Венгрии, в восточной области страны Альфельд [Руденский, 1984, с. 235], а также в Молдавии [Молдаване, 1977, с. 158–159]. Известен аналогичный украинской хате тип жилища и на севере Ирана, в области Гилян. По наблюдениям Е. Э. Бломквист, каркасно-турлучный тип жилища имел распространение в Южной и Средней Украине, на Нижнем Дону, на Северном Кавказе и в других регионах [Бломквист, 1956, с. 86]. Исследователь считала, этот

равнинный тип наземного жилища произошел от землянки. В качестве доказательства этого Е. Э. Бломквист отметила, что «переходные типы жилища – от полуземлянки к хате, в виде углубленной в землю хаты, не раз отмечались в степной полосе в XIX в.» [Бломквист, 1956, с. 18]. Однако прообразом каркасно-турлучного жилища мог быть и другой тип постройки. Речь идет о «буде» – временном жилище пастухов, до сих пор встречающемся на Волыни. По данным А. Данилюка, такой тип жилища сооружался из лозы, при помощи которой горизонтально обплетали колья. Накрывали «буду» ветками деревьев, а сверху – грубым сеном. Размеры «буды» были различными, в зависимости от количества пастухов, но чаще всего 2х3,5 м. При хорошей погоде пастухи разжигали огонь снаружи, а при дожде – внутри при входе [Данилюк, 2002, с. 65].

Однако отмеченные артефакты являются реликтами древней степной культуры, и поэтому трудно говорить о направлении заимствований. В данной ситуации можно вполне согласиться с выводом Л. И. Лаврова, что общий тип жилища на Украине и Северо-Западном Кавказе формировался в процессе взаимных творческих связей соседних народов, которые долгое время находились в контактах друг с другом. Свой вывод исследователь аргументировал, и не без оснований, следующими фактами: “Известно, что основные черты современной украинской хаты сложились задолго до возникновения Киевского государства. То же самое можно сказать и о современном жилище адыгов, абазов и абхазцев, основные черты которого можно проследить, начиная с энеолита” [Лавров, 1961, с. 64].

Как уже отмечалось, некоторые исследователи обратили внимание на распространение среди адыгов и украинцев однотипной мебели, представленной, прежде всего, низкими круглыми треногими столиками [Кобычев, 1973, с. 94]. Обычно за таким столиком обедали, садясь на землю или на низенькие стульчики. Когда столик не был нужен, то его обычно вешали на стену жилища. На Северном Кавказе этот тип низкой мебели имел распространение не только среди адыгов, но также среди осетин и других народов [Бломквист, 1956, с. 421–422; Народы Кавказа, 1960, с. 162, 206, 319]. Находили данный тип мебели и в средневековых катакомбах Северного Кавказа [Кузнецов, 1971, с. 142]. Весьма примечательно, что при раскопках курганов скифского времени на Алтае в вечной мерзлоте были найдены такие же деревянные круглые столики [Руденко, 1952, с. 40–42; Руденко, 1953, с. 82–86]. В недалеком прошлом, по данным Е. Э. Бломквист, маленькие круглые столики имели распространение не только среди украинцев и северокавказских народов, но также среди казаков на Кубани и Дону, а также среди балканских славян и крымских татар [Бломквист, 1956, с. 421–422]. Следовательно, наличие маленьких круглых столиков у украинцев и адыгов Кавказа необязательно следует рассматривать как результат культурных контактов

в прошлом между их предками, а вполне возможно, что в этом следует видеть результат воздействия со стороны их общих кочевых соседей в степи.

Касаясь же общих черт в хозяйственных сооружениях украинцев и адыгов, можно выделить одно совпадение, которое, вроде бы, может указывать на северокавказское влияние на традиции украинцев. Так, среди украинцев Правобережья имели распространение приспособления для хранения зерна, которые называют “кошницы”. Аналогичные сооружения до сих пор используют на равнинной части Северного Кавказа, где их называют “сапетки”. Данные хозяйственные постройки представляли собой сплетенные из лозы вертикальные сооружения, которые сверху перекрывали соломой. Иногда “сапетки” и “кошницы” обмазывали глиной. На Украине “кошницы” впервые фиксируются лишь после XVII в. [Косміна, 1980, с. 97, 102; Калоев, 1981, с. 159–161]. Однако данные археологии свидетельствуют о том, что на Северокавказской равнине, на землях Алании, “сапетки” имели распространение уже в домонгольский период [Кузнецов, 1971, с. 63]. Известно, что с XIV в. место аланов на Северокавказской равнине заняли адыги-черкесы, что предполагало смену их среды обитания и образа жизни. Это объясняет сохранение у них тех элементов культуры, которая имела распространение среди аланов на Предкавказской равнине в предмонгольский период, т. е. речь идет о заимствовании многих элементов культуры черкесами от их предшественников-аланов. Получается, что предки украинцев могли позаимствовать эти приспособления для хранения зерна от переселившихся с Северного Кавказа аланов или черкесов в очень значительный промежуток времени – с XIII по XVI вв. Однако относительно распространенности этого хозяйственного сооружения Т. В. Космина отметила: «Это сооружение является характерным элементом в усадьбах юго-западной части Подолья, а также в прикарпатской зоне, в частности на Буковине и в Покутье – в районах выращивания кукурузы, где она в конце XIX в. становится одной из основных хлебных культур. Ареал распространения кошниц охватывает Средиземноморье (Испанию, Балканский полуостров) и доходит почти до Кавказа. Их наличие в венгерско-южнославянской этнокультурной среде было известно уже во второй половине XVII в.» [Косміна, 1980, с. 97]. В нашем случае распространенность этого типа хозяйственных сооружений преимущественно на Правобережной Украине позволяет отдать предпочтение балканской, а не кавказской версии заимствования.

Несмотря на это, необходимо подчеркнуть, что в материальной культуре украинцев имеются такие элементы, которые можно объяснить лишь фактом заимствования с Северного Кавказа. Так, следует также обратить внимание на полную идентичность тяжелого колесного плуга украинцев (рис. 1, 1, 3). и “кабардинского плуга” на Северном Кавказе (рис. 1, 2, 4). В соответствии с наблюдениями В.Ф. Горленко, И.Д. Бойко и А.С. Куницкого, с XVIII в.

на Украине известен плуг, который считается классическим украинским плугом. Он состоит из собственно плуга и тягловой части – передка. Рабочая часть плуга состояла из подошвы, которая имела названия – полоз, плаха, повзун, лемеха, подъема, чересла (ножа), грядиля (стрела, вал, придолиб). Направляли плуг при помощи двух ручек. Передок имел колеса из под телеги и при этом правое колесо, как правило, было большим по размерам (рис. 1, 1, 3) [Горленко, Бойко, Куницкий, 1971, с. 45–48]. Весьма характерно, что точно такой же тип плуга был зафиксирован на Северном и Западном Кавказе. По наблюдениям Б. А. Калоева, ситуация выглядела следующим образом: «В равнинной части региона наиболее распространенными пахотными орудиями были черкесский (адыгский) и украинский тяжелые передковые плуги. При этом адыгским плугом обрабатывали земли не только сами адыги – кабардинцы, черкесы и адыгейцы, но и абазины, ногайцы, а также переселившиеся с гор на равнину осетины, балкарцы, карачаевцы, отчасти ингуши и чеченцы. Свидетельством такого заимствования является и термин “черкесский плуг” или “кабардинский плуг”, встречающийся в языках многих из указанных народов..» [Калоев, 1981, с. 118–121]. В то же время, по наблюдениям исследователя, среди чеченцев и ингушей бытовал аналогичный плуг, известный как “русский”. Б. А. Калоев отметил, что под “русским плугом” здесь фигурирует “малороссийский или русский”, что указывает на направление заимствования [Калоев, 1971, с. 118]. Необходимо отметить одну черту северокавказского плуга, которая встречается и на украинском орудии земледелия: “.. в основном адыгский плуг делали с колесами разного диаметра, причем на правой стороне оси всегда помещали большое (бороздковое) колесо” [Калоев, 1971, с. 119]. Как отметил Б. А. Калоев, «в ряде мест Кабарды и Черкессии колеса плуга делали нередко одинаковыми» [Калоев, 1971, с. 119]. Возможно, что одинаковые по размеру колеса позволяли обрабатывать равнинную поверхность, а разные по размеру колеса позволяли обрабатывать почву у подножия гор. Тем не менее, в Предкавказье «в основном адыгский плуг делали с колесами разного диаметра, причем на правой стороне оси всегда помещали большое (бродковое) колесо» [Калоев, 1971, с. 119]. Данные археологии свидетельствуют о том, что на плоскости Северного Кавказа это земледельческое орудие было известно уже с XI–XII вв., на равнинной части Алании [Кузнецов, 1971, с. 54, 56], а на Украине, как уже отмечалось, этот тяжелый плуг начал распространяться лишь с XVIII в. [Горленко, Бойко, Куницкий, 1971, с. 45–48]. Стало быть, есть основания говорить о заимствовании этого плуга с Кавказа, а не наоборот.

На территории Украины такой плуг известен, в первую очередь, на равнине в степи. Если бы данный плуг на Северо-Западный Кавказ попал благодаря посредничеству украинцев, то его называли бы “украинский”, а не черкесский. Хотя не исключена возможность того, что в Южной Руси он мог

появиться примерно в то же время. Так, В.Ф. Горленко, И.Д. Бойко и А.С. Куницкий отметили, что “древнерусская миниатюра со сценой пахоты, которая содержалась в так называемой Кенигсбергской (Радзивилловской – О. Б.) летописи, позволяет представить конструкцию плуга и говорить, что уже в первой половине XII в. он в основных своих чертах сформировался” [Горленко, Бойко, Куницкий, 1971, с. 42]. Однако данный плуг (рис. 1, 5), как видим, имел более архаические черты и не совсем походил на тот плуг, которым на Украине обрабатывали целинные земли степи. Авторы монографии «Народная земледельческая техника украинцев» отметили: «Одно из наиболее ранних изображений собственно уже украинского плуга видим на помещенном в «Учительском евангелии» рисунке, который передает процесс пахоты (издано типографией Киево-Печерской лавры в 1637 г.). Это орудие с двухколесным передком, дышлом, двумя ручками и прямым грядилем, запряженное парой волов» [Горленко, Бойко, Куницкий, 1971, с. 43].

В результате получается, что до позднего средневековья, т. е. до XVII в., на территории Украины, которая тогда занимала в основном лесостепь, имел распространение вид плуга, приспособленного к обработке почвы в местных природных условиях. В XVI–XVII вв., когда предки украинцев начали осваивать степь, у них появился новый тип плуга для обработки целинных земель, такой же, как и на Северном Кавказе. В данном случае возможны два пути появления указанной инновации. Во-первых, с данной конструкцией плуга украинцы могли познакомиться благодаря контактам с черкесами, которые в это время, как уже было отмечено, совершали миграции с Кавказа на территорию Украины. Во-вторых, тяжелый степной плуг мог попасть на земли будущей Украины с Кавказа довольно рано, в золотоордынское время, благодаря миграциям аланов или адыгов-«черкасов», но продолжал сохраняться в условиях ландшафта, весьма близкого к Предкавказью. Например, к этому описанию весьма подходит правобережье Черкащины, где рельеф местности испещрен большим количеством речных долин, оврагов, каньонов и холмов.

Если же взять одежду украинцев Поднепровья, то можно отметить много общих элементов с одеждой народов Северного Кавказа. Так, среди украинцев Среднего Поднепровья имели распространение мужские меховые шапки цилиндрической формы с верхом из ткани или войлока (рис. 2, 1–3). Такие же мужские головные уборы до сих пор имеют распространение на Северном Кавказе (рис. 2, 4–6). По наблюдениям Т. Д. Равдоникас, меховая шапка с плоским верхом получила распространение среди кабардинцев уже в первой половине XVII в., однако в более раннее время на Северном Кавказе имели распространение иные типы мужских головных уборов [Равдоникас, 1990, с. 82]. Весьма характерно, что на Украине один из типов таких головных уборов называют “кабардинка”. Для него был характерен полусферический верх, сшитый из отдельных частей кожи, которые были скреплены

в центре пуговицей. При этом нижняя часть этой шапки была сшита мехом наружу и представляла собой узкую полосу [Зеленин, 1991, с. 231]. Следовательно, данный тип головного убора является довольно поздним и мог попасть в украинское Поднепровье как в позднее средневековье, так и в начале нового времени, когда термин Кабарда прочно вошел в обиход многих народов. Следует добавить, что на остальной территории Украины имели распространение конические меховые шапки, называемые “кучма” [Матейко, 1977, с. 69–70].

Даже верхняя одежда населения Центральной Украины и Северного Кавказа имеет много общего. Так, на Украине имели распространение зимние типы одежды (тулупы, кожухи, шубы), которые шились мехом вовнутрь и по своей форме походили на такие же виды верхней одежды народов Северного Кавказа. Обычно они бывали прямого покроя, но и встречались приталенные изделия, походившие на кафтан или черкеску. Такой тип верхней мужской одежды был известен как на Черкащине (рис. 3, 1), так и на Северном Кавказе (рис. 3, 2). Именно последняя форма зимней одежды заставляет вспомнить и о более легком верхнем типе мужской одежды – черкеске.

По наблюдением Т. Николаевой, еще в XIX в. на Украине была известна одежда с таким же названием: «Черкеской на Левобережье называли тип короткого жупана или кунтуша из сукна. Это мужская верхняя одежда, аналогичная кабардинской черкеске с откидными рукавами» [Николаева, 1996, с. 86]. Следует отметить, что данный тип одежды по своему покрою являлся очень сложным. Он отличается тем, что иногда на спине на уровне талии делали поперечные разрезы и, заложив на нижней части крупные складки или собрав ее в мелкую сборку, пришивали к верхней части одежды. Среди русских такая одежда называлась «кафтан», на Украине – «свита, жупан», на Кавказе – «черкеска, бешмет». Исследователи уже давно обратили внимание на сходство украинской свиты (жупана) и кавказской черкески. В старину у такой одежды было принято обшивать швы ворот и борта жупана тесьмой, галуном и т. п. [Маслова, 1956; Матейко, 1977; Студенецкая, 1989; Равдоникас, 1990]. Необходимо отметить, что такой тип мужской одежды в недалеком прошлом имел широкое распространение в украинском Поднепровье. Для нас интерес может представлять то, что свита приталенная из Черкащины (рис. 4, 1) по форме очень напоминает кавказскую черкеску (рис. 4, 2).

Происхождение данного типа одежды уже давно стало объектом пристального внимания исследователей, которые видят прообраз черкески в кафтане аланов. Т.Д. Равдоникас, ссылаясь на выводы А. А. Иерусалимской, полагает, что появление кафтанов на Кавказе следует связывать с миграцией аланов, ибо кафтан является непременным элементом одежды многих ираноязычных народов. Следует также отметить, что на Змейском катакомбном могильнике были обнаружены кафтаны с различными формами во-

ротника, разрезами ворота и т. п. [Равдоникас, 1990, с. 65, 95]. В нашем случае остается только гадать, кто впервые принес в среду южной части восточных славян одежду, по покрою напоминающую черкеску. Это могли быть как аланы, так и адыги, воспринявшие от первых на Кавказе данный тип мужской одежды.

Общие черты в традициях украинцев Среднего Поднепровья и Северо-Западного Кавказа видны и в особом виде обуви, сшитой из цельного куска кожи, который называют обычно “постолы” (рис. 5, 2), а на Украине – “моршни” (рис. 5, 1). Такой тип обуви очень хорошо приспособлен для хождения по горам. И это никак не вяжется с его распространением среди населения Центральной Украины, где нет гор. Т. Николаева отметила одну примечательную деталь: «В направлении с севера на юг Среднего Поднепровья плетеная обувь постепенно исчезает и заменяется стянутой кожаной обувью – постолом («постоли», «моршни»), которые сохранились почти до начала XX ст., и представляет собой очень давнюю, общую для всех восточнославянских народов форму. ... Постолы на значительной территории Среднего Поднепровья носили летом, в некоторых местностях, например, на Черниговщине, во все поры года» [Николаева, 1987, с. 74]. По данным Т. Д. Равдоникас, данный тип обуви на Кавказе имел давнее происхождение, но был представлен хорошо сохранившимися образцами в склепах Балкарии, относящихся к XVI–XVII вв. [Равдоникас, 1990, с. 113]. По наблюдениям Т. Николаевой, еще со времен Киевской Руси в Среднем Поднепровье были известны «моршни» (рис. 5, 3) [Николаева, 1996, с. 42]. Складывается впечатление, что в Среднем Поднепровье данный тип обуви имеет такое же давнее происхождение, как и гидроним *Псел*.

Следует обратить внимание еще на один элемент мужской одежды – кожаный пояс. На Украине он представлял собой узкий кожаный ремень с медными бляхами, железной пряжкой и скобами для подвешивания предметов [Маслова, 1956, с. 689]. По словам М. Шумко, в XIX в. у украинского населения Екатеринославской губернии были “шаровары с очкуром ременчатый или суконным (с узеньким поясочком, на котором висят нож и маленькая калитка или капшучок с деньгами)” [Шумко, л. 4]. Необходимо отметить, что подобные узкие кожаные пояса долгое время бытовали среди горцев Северного Кавказа. Е. М. Студенецкая так охарактеризовала этот элемент мужской одежды кавказского горца: “Во второй половине XIX – начале XX вв. более всего были распространены пояса из узкого кожаного ремня. На одном конце пояс имел пряжку, в которую продергивался другой конец пояса, снабженный металлическим наконечником. Пояс туго затягивался на талии, а длинный кончик ремня продевали в подвижную обоймочку. Праздничные пояса украшали многочисленными, часто серебряными бляшками и подвесками разной формы. Носили пояс на черкеске, на бешмете ...

К поясу подвешивали различные предметы, необходимые мужчине в дороге, на охоте... Но самое главное – на поясе висело оружие: кинжал....” [Студенецкая, 1989, с. 94–95]. Весьма характерно, что подобные кожаные пояса были зафиксированы как в средневековых катакомбных склепах Северного Кавказа, так и в катакомбах салтовской культуры в лесостепном Подонье. В свое время С. А. Плетнева даже высказала предположение, что на Руси, вследствие переселения туда салтовского населения, с X в. получили распространение типичные для салтовцев формы поясных наборных бляшек [Плетнева, 1961, с. 94]. В итоге остается только гадать, попали ли в Поднепровье узкие кожаные пояса северокавказского типа в X в. или это имело место значительно позже?

Таким образом, предварительный сравнительный анализ материальной культуры украинцев Поднепровья и адыгов Северо-Западного Кавказа позволил сделать вывод о воздействии адыгов на традиции украинцев преимущественно в период позднего средневековья. Это хорошо заметно при анализе земледельческих орудий, а также ряда элементов мужской одежды. К сожалению, этнографические материалы не позволяют проследить контакты между славянским населением Поднепровья и адыгами Северо-Западного Кавказа в более раннее время, в период развитого средневековья, что нашло отражение в некоторых письменных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Архивъ Юго-Западной Росіи. Ч. VII. Т. I. Кіевъ, 1886.
- Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Ленинград, 1971.
- Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ. Новая серия. Т. XXXII). Москва, 1956.
- Волков Ф. Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Петроград, 1916.
- Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.
- В-ко Н. К вопросу о происхождении названия Полтавы // Киевская старина. Т. LXXXI. Киев, 1903.
- Военно-топографическая карта Российской империи (1869–1890) // history11.ucoz.ru
- Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.
- Гильденштедт. Путешествіе академика Гильденштедта. Переводъ съ немецкаго М. Салтыковой, съ ея предисловіем и съ примечаніями проф. Д.И. Багалея // Харьковскій сборникъ. Вып 5. Харьков, 1891. / http://staroverovka.ucoz.ua/publ/puteshestvie_akademika_gildenshtadta
- Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв. // СЭ. 1982. № 3.
- Густинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
- Данилюк А. Г. Українська хата. Київ, 1991.
- Данилюк А. Народна архітектура Волинського Полісся. Луцьк, 2002.

- Дмитрий Байда-Вишневецкий* // <http://xn--80ajchjdrd9k.xn--p1ai/dmitrij-vishnevezckij.html-start=6.htm>
 Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
 Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1908.
 Запорожская сечь // <http://history-sich.ucoz.ua/index/0-8>
Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Москва, 1991.
Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. Москва, 1973.
Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. Москва, 1981.
Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва–Ленинград, 1957.
Кобычев В. П. В поисках прародины славян. Москва, 1973.
Кокиев Г. А. Из истории сношений России с Кавказом // Ученые записки Кабардинского НИИ. Т. 1. Нальчик, 1946.
Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Краткий словарь. Нальчик, 1966.
Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
Космина Т. В. Сільське житло Поділля (кінець XIX – XX ст.). Київ, 1980.
Кузнецов В. А. Аляния в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
Лавров Л. І. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. 1961. № 3.
Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ. Новая серия. Т. XXXI.). Москва, 1956.
Матейко К. І. Український народний одяг. Київ, 1977.
Мацевич Л. К вопросу о происхождении названия “Полтава” // Киевская старина. Т. IV. Киев, 1896. Молдаване. Кишинев, 1977.
Николаева Т. А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1987.
Николаева Т. Історія українського костюма. Київ, 1996.
 Народы Кавказа. Т. I. Москва, 1960.
 Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXV. Москва–Ленинград, 1962.
 Описание рек Черниговского наместничества // Записки Черниговского губернского статистического комитета. Кн. 2. Вып. 1–2. Чернигов, 1868.
 Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. Т. X. Санкт-Петербург, 1885.
Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами // СА. 1961. № 1.
 Полтавская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Санкт-Петербург, 1862
Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (IV в. до н. э. – конец XVII в.). Ленинград, 1990.
Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1905.
Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе. Ч. 1. Москва, 1847.
Руденский Н. Е. Венгры // Расы и народы. Вып. 14. Москва, 1984.
 Словник гідронімів України. Київ, 1979.
 Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. Москва–Ленинград, 1962.
 Сокращенный летописный свод 1495 г. // ПСРЛ. Т. XXIII. Москва–Ленинград, 1962.
Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.
Студенецкая Е. М. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. Москва, 1989.
Тищенко К. Мовні контакти: свідки формування українців. Київ, 2006.
 Черниговского наместничества топографическое описание... А. Шафонского. Киев, 1851.
 Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. XXXIII. Ленинград, 1977.
Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970.
Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П–I. Москва, 1977.
Шафиев Н. Л. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик, 1968.

Шмит Ф. И. Мистецтво старої Русі-України. Харків, 1919.

Шумко М. Домашній быт крестьян Павлоградского уезда Екатеринославской губернии // Архив РГО. Разр. 13. Оп. I. № 2.

О. Б. Бубенок

ДЕЯКІ ПАРАЛЕЛІ В МАТЕРІАЛЬНІЙ КУЛЬТУРІ НАСЕЛЕННЯ
УКРАЇНСЬКОЇ НАДДНІПРЯНЩИНИ І ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОГО КАВКАЗУ
(до питання про адизько-слов'янських зв'язках)

Резюме

Близькість Північно-Західного Кавказу до Наддніпрянщини завжди давала привід дослідникам вести розмову про можливість контактів між населенням відзначених суб-регіонів у минулому. В спеціальній літературі вже неодноразово звертали увагу на можливість таких зв'язків як за часів античності, так і в середньовіччя. Традиційно такі припущення базувалися як на лінгвістичному аналізові даних гідронімії, так і на свідцтвах деяких середньовічних письмових джерел. Проте дані етнографії не залучалися до цього у достатній мірі. В результаті проведеного порівняльного аналізу матеріальної культури українців Наддніпрянщини і Північно-Західного Кавказу вдалося прийти до висновку про певний вплив адигів на традиції українців переважно в період пізнього середньовіччя.

О. Б. Бубенок

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ
УКРАИНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(к вопросу об адыго-славянских связях)

Резюме

Близость Северо-Западного Кавказа и Поднепровья всегда давала повод исследователям говорить о возможных контактах между населением отмеченных суб-регионов в прошлом. В специальной литературе уже неоднократно указывалось на возможность таких связей как во времена античности, так и в средневековье. Обычно такие предположения базировались как на лингвистическом анализе данных гидронимии, так и на свидетельствах некоторых средневековых письменных источников. Однако для решения проблемы данные этнографии не привлекались в достаточной степени. В результате проведенного сравнительного анализа материальной культуры украинцев Поднепровья и адыгов Северо-Западного Кавказа удалось прийти к выводу об определенном воздействии адыгов на традиции украинцев преимущественно в период позднего средневековья.

O.B.Bubenok

SOME PARALLELS IN MATERIAL CULTURE OF THE POPULATION OF THE UKRAINIAN DNIEPER BASIN AND THE NORTHWESTERN CAUCASUS
(to the Question on the Adyg-Slavic Connections)

Summary

Proximity of the Northwestern Caucasus and the Dnieper Basin has generally given a reason for researchers to talk about possible contacts between the populations of mentioned regions in the past. It has been repeatedly pointed to the possibility of such links as in ancient times, and in the Middle Ages in special literature. Such hypotheses were typically based on a linguistic analysis of hydronyms, and some medieval written sources. However, ethnographic data have not been involved sufficiently to solve the problem. As a result of comparative analysis of the material culture of the Ukrainians of the Dnieper Basin and the Adygs of the Northwestern Caucasus, we managed to conclude a definite impact of the Adygs on the traditions of the Ukrainians mainly in the Middle Ages.

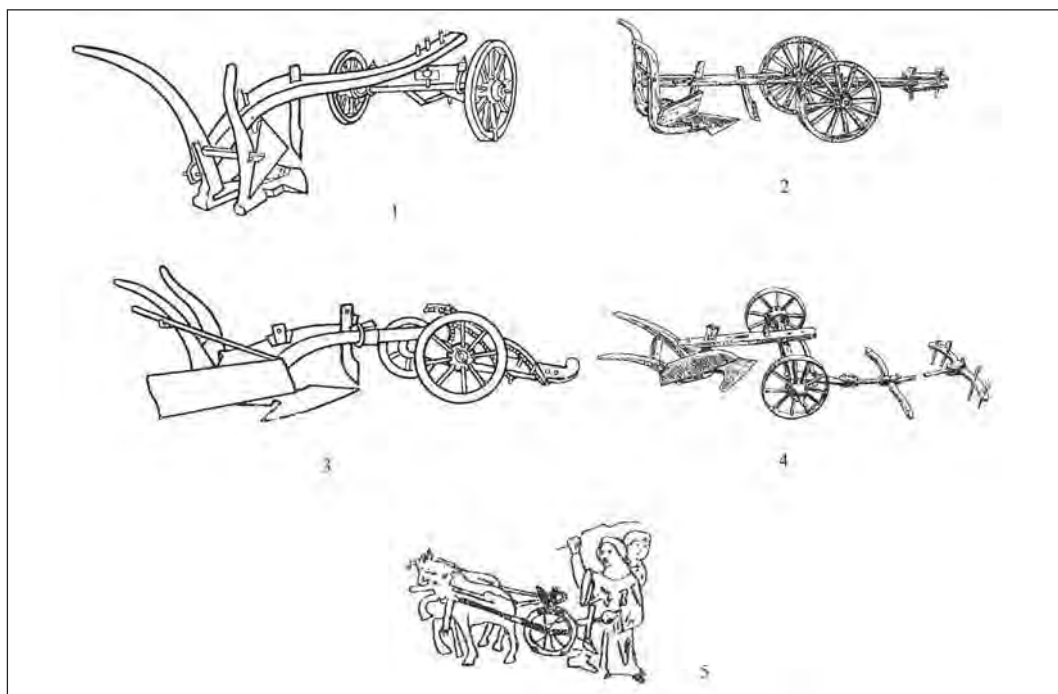

Рис. 1. Пахотные орудия украинцев (по данным В. Ф. Горленко и др.) и черкесов (по данным Б. А. Калоева):

1 – украинский плуг с железным лемехом (Херсонская губ., XIX в.);

3 – тип украинского классического плуга (Южная Украина, XIX в.);

2, 4 – адыгейские (черкесские) тяжелые плуги;

5 – сцена пахоты плугом в Древней Руси (фрагмент миниатюры Радзивилловской летописи).

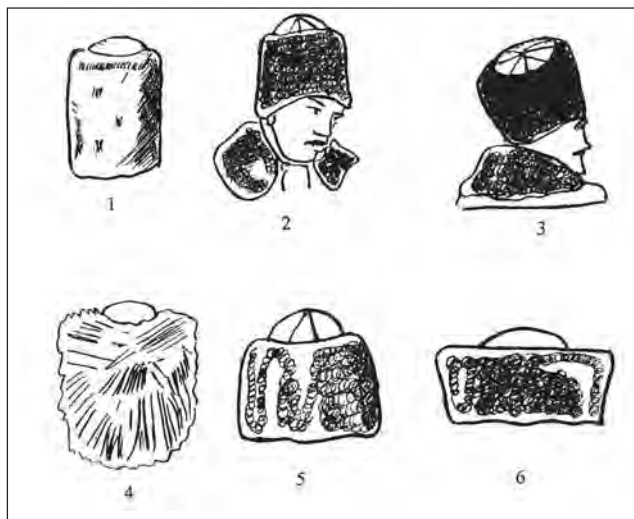

Рис. 2. Мужские головные уборы украинцев и жителей Северного Кавказа:

1 – Среднее Поднепровье (по К. И. Матейко);

2 – Киевская область, XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);

3 – Полтавская обл., XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);

4–6 – Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е. Н. Студенецкой).

Рис. 3. Мужская верхняя одежда украинцев и жителей Северного Кавказа:

1 – кожух, Черкащина, XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);

2 – бешмет в талию типа черкески, Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е. Н. Студенецкой).

Рис. 4. Мужская легкая верхняя одежда украинцев и жителей Северного Кавказа:

1 – свита приталенная, Черкащина, XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);
 2 – черкеска, Северный Кавказ, XIX в. (по данным Е. Н. Студенецкой).

Рис. 5. Легкая кожаная обувь населения Среднего Поднепровья и Северного Кавказа:

1 – моршни, Черниговская губ., XIX в. (по данным Т. А. Николаевой);
 2 – постолы кавказских горцев, XIX в. (по данным Е. Н. Студенецкой);
 3 – моршни Южной Руси, XI в. (по данным Т. А. Николаевой).

